

Ор 46.36
Б-79

Л. БОЛЬШАКОВ

ЛЕГКОГО ХЛЕБА
НЕ БЫВАЕТ

ЛЕОНИД БОЛЬШАКОВ

**ЛЕГКОГО ХЛЕБА
НЕ БЫВАЕТ**

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

ЧЕЛЯБИНСК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

Оренбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

«ЗЕМЛЯ РОДИМЦЕВА, ЗЕМЛЯ ЧЕРДИНЦЕВА»

Большой зал оренбургской Выставки народного хозяйства заполнен, как говорится, до отказа. Одеты все по-праздничному, на костюмах, на платьях ордена и медали. Шумно, весело. Впечатление такое, что каждый здесь знает каждого и не знакомых нет вовсё.

Усаживаюсь, смотрю вокруг. Прямо передо мною группа знатнейших комбайнеров. Кособуцкий, Юдин, Чердинцев, Коваленко... Все при золотых своих звездах и многочисленных прочих регалиях. Разговор, шедший в фойе, не закончен — обмен мыслями продолжается в зале.

— Начинаем концерт для делегатов областной партийной конференции. Поет хор Дворца культуры «Россия». Исполняется новая песня — «Отчий край». Музыка Алексея Цибизова, слова Геннадия Коняхина...

Песня еще не «на слуху»: ни мелодия ее, ни слова неизвестны. Композитор, наверное, где-то там, за кулисами — волнуется. Примут? Подхватят? А может, отмахнутся, хоть и про свое, родное, оренбургское?

За первой строфой, как водится, идет припев:

Странка русская,
Степь оренбургская,
Планетой подвигов тебя зовем.

И вдруг:

Земля Родимцева,
Земля Чердинцева,
Ты наша Родина и отчий дом...

По залу прокатываются аплодисменты. Понравилось! Но я смотрю не на сцену и не на зал. На Чердинцева смотрю. Неожиданность прозвучавшего для него полнейшая.

Земля Родимцева, земля Чердинцева...

Поворачиваются, ищут его глазами и другие. Тянут руки соседи.

Земля Родимцева, земля Чердинцева...

Песня нарастает, ширится, и снова тот же припев, который вдруг подхватывают в рядах, да еще как подхватывают — на полный голос, задорно и звучно. Поет и он:

Сторонка русская,
Степь оренбургская,
Планетой подвигов тебя зовем...

Но, вижу и слышу, умолкает — продолжать не позволяет смущение; в волнении он даже отворачивается — только ведь от людского взгляда не скроешься, не спрячешься, настигнет везде и всегда. Музикально-поэтическую строку с двумя именами выпевают другие. И поют так, будто в их именно сердцах то определение родилось:

Земля Родимцева, земля Чердинцева!

Скажешь ли об Оренбуржье точнее?

Разных поколений они люди, разных путей жизни.

А начиналось все и для того, и для другого здесь, на этой земле.

«Родился я в далеком глухом селе Шарлык бывшей Оренбургской губернии в семье крестьянина-бедняка. Наше село окружала бескрайняя плодородная степь... Однако мне еще ребенком довелось узнать, что и эти немереные тысячи десятин земли, и заповедные, богатые рыбой озера, и бесчисленные стада коров и овец, и табуны лошадей, и даже колодцы у дорог в степи,— все было отмечено знаком «чужое», все принадлежало помещикам и кулакам...»

Это — Родимцев. «По сути, я почти не помню детства, так как слишком рано, совсем мальчикой, стал единственной опорой семьи...» Отец его, батрак безземельный, за речи свои революционные был зверски избит, истер-

зан белобандитами атамана Дутова и умер, измученный пытками. «Тягостно и горько было мне идти в услужение к богатею, который, я знал это, выдал моего отца, но слезы матери и благословение усталой ее руки были для меня приказом». Но уже тогда поселилась в Родимцевесыне мечта. «Красные конники остановились в Шарлыке на отдых, и я ходил за бойцами по пятам, с замиранием сердца прислушиваясь к их разговорам... Я мечтал стать красным кавалеристом, чтобы так же лихо позванивать шпорами, носить длинную, с золоченой рукоятью саблю, бесстрашно мчаться в атаку на врага на горячем скакуне, чтобы и меня встречали в селах с радостью, как родного...» К этой своей мечте он, Александр, батрак на кулацком поле, в плотную приблизился в 1927-м, когда представал перед долгожданной призывной комиссией.

Чердинцев в том, решающем для его земляка, году только на свет появился. А к собственной мечте, осуществлению на деле ее, заветной, подошел лишь тогда, когда Родимцев, уже командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии, дрался на решающем участке Юго-Западного фронта и бойцы в своей песне распевали:

Мы с отвагой дружны,
Потому и сильны,
Мы железною спайкой гордимся,
Нас ведет за собой
Командир и герой,
Наш товарищ, полковник Родимцев.

За плечами его к тому времени были и бои в Испании, и суровые испытания Отечественной войны, которая вторглась в судьбу Александра Ильича с самого ее начала.

«9 мая вместе с другими командирами я был вызван в штаб Юго-Западного фронта на совещание для уточнения боевой задачи в предстоящей операции,— вспоминал он весенний день в сорок втором.— Нашей дивизии поручалась почетная роль: сражаться в составе

главной группировки армии и первой нанести удар по вражеской обороне...»

Это было в мае 1942-го. Василий незадолго перед этим закончил зимние курсы трактористов и штурваль-ных, а в те дни пахал, сеял и, одновременно, урывками помогал брату Мину готовить к уборке уже изрядно изношенные комбайны «Сталинец-1», сцепом которых им предстояло убирать урожай. Хлеб обещал быть хорошим, механизаторов же с войною крепко поубавилось; теперь требовалось предусмотреть все, чтобы с началом уборки как можно быстрее скосить, обмолотить по-особому дорогую для фронта и тыла пшеничку. (Они и впрямь по-работали на славу: сцепом двух комбайнов, которые тянули за собой Комлев Петр на тракторе «ЧТЗ», убрали прямым комбайнированием хлеб с 1100 гектаров.)

Он, Василий Чердинцев, «свою войну» начал и до конца провел в одних и тех же местах. Сюда не долетали самолеты врага, тут не слышали выстрелов и не думали о светомаскировке, но прошла она через каждый двор и каждое сердце в Сакмарском районе.

«Детство мое было не из легких. Когда я заканчивал начальную школу, началась война. С каждым днем все хуже становилось с едой, в школьных классах надолго поселился холод. Для того, чтобы написать что-нибудь в самодельной тетради, приходилось отогревать замерзающие чернила на печке и долго дуть на коченеющие пальцы. В семьях многих моих школьных товарищей уже получили похоронки... Помнится, как на школьном дворе появился директор машинно-тракторной станции. Посмотрел он на наши игры в переменку, а потом подошел и сказал: «Сынки, рабочие руки нужны...» По такому «приглашению» и пошел я на курсы трактористов в Сакмарскую МТС. Учились и работали. Меж снежных сугробов стояли полуразобранные тракторы-«колесники». Чтобы согреться, в бочках жгли солярку. В мастерских под потолками гулял синий машинный чад, сквозь кото-

рый неясно проглядывали промасленные части моторов и усталые лица людей... Хорошо помню, как Мин получил повестку в военкомате, подвел меня к полю и сказал:

— Вот, братишка, тебе машина. Работай в полную силу да только береги технику. А я — на фронт.

Так просто и буднично состоялась передача не только комбайна, но и хлеборобской профессии, которая стала для меня главной на всю жизнь...»

Если уточнить, то Василию достался совсем старый, перед войной уже списанный «СЗК» — маломощный даже по сравнению со «Сталинцем». Мин работал на нем еще несколько лет тому назад, когда другой уборочной техники на полях не было. Умудрялся рекорды на нем ставить — того, правда, времени рекорды. Теперь комбайн был немощным инвалидом. И когда весной 1943-го, в ледоход, уходил брат воевать, для него, меньшего, началась круглосуточная работа по восстановлению первого «собственного» комбайна, на котором в первый сезон выработал он... 170 гектаров. Мало? Да, не много. Но ему было всего-навсего шестнадцать, самостоятельно работал он впервые, и комбайн был таким старым, разбитым...

Крестьянский сын из оренбургского Шарлыка Александр Ильич Родимцев вел в бой гвардейскую дивизию. В бой тяжкий, изматывающий и — победный.

Крестьянский сын Чердинцев Василий занял свою «ячейку» на передовой линии оренбургской хлебной нивы. Передовой, которую не покинет уже никогда.

О Родимцеве он впервые услышал и прочел тогда, когда на всю страну и весь мир прозвучало из огненно-го Стalingрада решительное слово его гвардейцев: «За Волгой для нас земли нет!»

Родимцев о Чердинцеве мог узнать много позже, годы и годы спустя после окончания Великой Отечественной, когда имя хлебороба-земляка вышло на первые

страницы «Правды» и других центральных газет, а оба они заняли депутатские места в Верховном Совете.

Тогда и личное их знакомство состоялось — в Оренбурге, куда прославленный военачальник приезжал, чтобы повидать дорогих своих земляков.

Родимцев:

«Когда в древней и всегда юной Праге нас обнимали, осыпали цветами и поцелуями наши чехословацкие друзья, оглядываясь на пройденный путь, как пахарь оглядывается на трудную,politую потом ниву, мы, воины, помнили, какой ценой далась нам эта радость».

Чердинцев:

«Наивно думать, что в те годы был нормированный рабочий день. Нет, работали сколько могли, и даже сверх того... Однако мы могли гордиться собою. Мимо нашей станции на запад тянулись поезда. На прикрытых брезентом платформах везли танки, орудия, тягачи. А мы радовались по-особому: мчали паровозы к фронту и наш драгоценный груз — продовольствие, хлеб...»

Да, земля в мечте людской это хлеб, это великое поле пахаря, и только пахаря.

Их пути — генерала и хлебороба — пересеклись на дороге славы. И соединились в песне:

Земля Родимцева,
Земля Чердинцева,
Ты наша Родина и отчий дом...

СРЕДЬ ПОЛЯ РОДИЛСЯ

Что бы он ни читал, непременно вычитает про хлебное поле.

В поисках материалов о Родимцеве, отличившемся еще на испанской земле, в первой интернациональной

битве с фашизмом, приметил Василий Макарович любопытное о герое-летчике Серове.

Однажды Анатолий Серов, уже следуя на разворот к своему аэродрому, заметил в небе вражеский бомбардировщик. План действий изменился сразу. Снова подняв свою машину, он пустился на перехват. Настиг его над территорией мятежников. Это был второй стервятник, поврежденный им в ночном бою. И только тут летчик увидел, что горючего в баке не остается. Дотянуть... дотянуть до республиканской зоны... посадить на местности, наиболее для него безопасной... Сел он на поле спелой пшеницы. Тут и приготовился принять бой, уже наземный. К счастью, боя не потребовалось: к нему бежали солдаты в форме республиканцев.

Один из них потом вспоминал:

— Советский летчик все беспокоился, чтобы мы не помяли, не попортили пшеницы, ругал нас за то, что мы топчем стебли, и говорил, объяснял взглядом и жестами: будущий хлеб надо беречь...

— И это в момент смертельной опасности, среди огня войны! — говорит Чердинцев.

Но не удивляется: средь поля он родился, средь поля рос, поле — его жизнь, его судьба. И судьба отца с матерью, давших жизнь семнадцати сыновьям и дочерям, а вырастившим семерых, в том числе двух Василиев — Василия-первого и Василия-второго.

Однако о «двух Василиях» расскажу дальше, когда перед тому подойдет. Сначала о Макаре и Клане — Клавдии Осиповне, пережившей своего старика на полтора десятка лет и умершей в девяносто шесть, когда Чердинцевы были уже в полной славе. Степной простор, работа день-деньской в поле принесли им долголетие.

К простору стремились они всегда. Оттого в год рождения «Василия-второго» и появился в этих местах хутор из четырнадцати дворов с наименованием «Чердинцев» — по фамилии тех, кто составил в нем большинство:

Макара Стакиевича, его братьев, их взрослых сыновей их дочерей с зятьями. С началом коллективизации они станут колхозной бригадой, а пока обрабатывают каждый свое — впрочем, помогая друг другу и по-соседски и по-родственному.

Не жадности ради переселялись эти люди на хутор Не толстовскому Пахому уподоблялись, выбирая место для пашни.

...«Идет Пахом прямо на шихан, и тяжело уж ему стало. Разопрел и ноги босиком изрезал и отбил, да и подкашиваться стали. Отдохнуть хочется, а нельзя — не поспеешь дойти до заката. Солнце не ждет, все спускается да спускается. «Ах,— думает,— не ошибся ли, не много ли забрал? Что как не поспеешь?» Взглянет вперед на шихан, взглянет на солнце: до места далеко, а солнце уж недалеко от края.

Идет так Пахом, трудно ему, а все прибавляет да прибавляет шагу. Шел, шел — все еще далеко; побежал рысью... «Ах,— думает,— позарился я, все дело погубил: не добегу до заката». И еще хуже ему от страха дух захватывает...

...Наддал из последних сил Пахом, навалился наперед телом, насили ноги поспеваю подставляться, чтоб не упасть...»

Рассказ Льва Толстого «Много ли человеку земли нужно» воскрешает то, что в этих — заволжских, оренбургских — местах происходило. Сюда мужик Пахом за землею отправляется. Тут условию башкирского старшины удивляется: «Сколько обойдешь в день, то и твое а цена дню тысяча рублей». Удивляется и — принимает: «Да ведь это... земли много будет». Читаем у Толстого: «Разгорелись глаза у Пахома: земля вся ковыльная, ровная как ладонь, черная как мак, а где лощинка — так разнотравье, трава по груди». И старается, изо всех старается крестьянин обойти захватить побольше.

«Ай, молодец! — закричал старшина.— Много земли
авладел!

...А у него изо рта кровь течет, и он мертвый лежит».

Досталось Пахому три аршина — как раз на надел
иогильный...

Земля-кормилица! Искони манит она человека рабо-
ящего, посильнее магнита притягивает. Для чего притя-
гивает? Чтоб хлеб, благодаря человеку, родить и хлебом
людей кормить.

Извечно (и довечно) нужна ты людям, земля хлебо-
родная...

Что отец, что мать знали любую полевую работу. И
никакой не чурались, пусть самой тяжелой-претяжелой.
Хлеб растить всегда нелегко, тем паче на вековой непаш-
ши, в краю частых суховеев и редких дождей, а ветров
таких сильных, что как пылинку, бывало, сдували пло-
дородный слой, на нет сводя старания земледельцев. Но
те продолжали стараться, и притом еще упорнее, урожа-
ем радуясь как награде.

Макар Стакиевич был к тому же классным плотником.
Быстрый на руку и легкий на ноги, сегодня он делал од-
но, завтра другое, послезавтра третье, заполняя созида-
тельной своей работой время от зари и дотемна — это
когда не звало поле и для других наступала пора относи-
тельного отдыха после многотрудных, довечных кресть-
янских дел.

Ко всему добруму лежала его душа. Светлела она от
снега белого и песни народной, от встреч с людьми и на-
ливающегося колоса. Колоса, пожалуй, всего больше. Ну
а если не больше, то, по крайней мере, наравне с детьми,
которые росли не лодырями какими, не гуленами — ра-
ботными, до всего приученными. Ревниво следили ста-
ревшие уже Макар и Клавдия, чтобы дети их дело свое
делали на совесть. И сейчас вспоминается, как, бывало,
когда уже техника в хозяйстве завелась, залезал батька

на высокий амбар и с него, будто наблюдательного пункта с широким обзором, глядел окрест, где, знал, сыны молодой зять Иван, муж старшей из дочерей, машинами своими управляют: один — комбайном, другой — трактором, третий — копнителем. Глядел и, надо же, все подмечал: у кого комбайн долго простоявал, трактор не заводился, «дергач» копнителя не тянул скосенное. Бежать на поле не торопился, но уж потом словесную вью волочку устраивал — то комбайнера Василию, то штурвальному Гавриле, то трактористу Петру. Взялся за гуж так не говори, что не дюж.

А они и не отговаривались. Знали, отец справедлив — зря критику разводить не станет.

Было в нем то, что сегодня принято называть «чувством нового».

Вышло постановление о расселении людей по району — переехали за Грязнушку, хутор Чердинцев завели.

Сошла Советская власть полезным мелкие поселения упразднить, свезти колхозников в села «перспективные», чтобы и школы там были, и клубы, и дороги, — снялись насиженного уже места, да и переехали в Сумкину Мельницу. Дом, что на хуторе был, сюда перевезли, и снов сад-огород разбивали, яблони да тополя сажали, родники расчищали. Родниковая вода силы в себе несет, здоровье, бодрость...

Мудрые, славные труженики Макар Стахиевич Клавдия Осиповна, поклон вам доземный за жизнь большую крестьянскую, за науку, преподанную детям своим, за них, современных и будущих Чердинцевых — роду, которому нет и не быть переводу.

— А сказки они вам рассказывали? — спросил, будто невзначай, своего героя.

Удивился он вопросу, подумал и пожал плечами: нет мол, не припомню.

Но все-таки припомнил одну, от матери в детстве слы-

ианную. Опять же про хлеб! И вот совпадение: ту самую казку всю жизнь свою помнит Владимир Кособуцкий, в Белоруссии рожденный, тоже ас оренбургских полей, тоже Герой Социалистического Труда.

Сказка эта про мужика и волка.

...Косил в поле мужик. Косил и устал. Сел отдохнуть. Достал мешок, вынул краюху хлеба — жевать стал. А тут из лесу голодный волк выходит. «Ты что, человече, ешь?» — «Хлеб». — «Вкусный?» — «Еще какой!» — «Дай отведать». — «Бери!» Понравился хлеб волку. «Хотел бы и я, говорит, каждый день такой есть. Только как его добыть? Подскажи». — «Ладно, научу тебя, волк, где и как хлеб доставать».

...Начал мужик волка наставлять. Говорит ему: «Перво-наперво землю надо вспахать». Волку не терпится — перебивает: «Тогда и хлеб будет?» — «Не спеши. Вспашешь — землю взборони». — «И можно есть хлеб?» — «Экий ты поспешный. Зерно посей!» — Волк облизывается: «Все?» — «Нет еще. Дождись, пока пшеничка взойдет, холодную зиму под снегом перезимует, весной вырастет, зацветет, колоситься начнет, зреть...» Волк слушает и голову понуро опускает: «Долго, однако, ждать. Но хоть тогда я хлеба наемся?» — «Погоди, милой. За стол садиться еще рано. Сперва надо спелую пшеницу сжать, потом в снопы связать, снопы в копны поставить. Ветер их провеет, солнышко просушит...» — «И буду хлеб есть?» — торопит голодный волк. — «Пока нет. Снопы обмолоти, зерно в мешки насыпь, мешки на мельницу свези, муку намели. Привезешь — муку замеси, а тесто взойдет — в горячую печь сажай». — «И уже хлеб?» — «Вот теперь хлеб!»

...Волк говорит: «Нет! Эта работа больно долгая да тяжелая. Не по мне она... Посоветуй, человече, лучше, как полегче еду добывать...» Дед и насове-

товал. Только посрамили глупого волка и конь, удививший его копытом в зубы, и гуси, улетевшие из под самого его носа, и старый дед, заставивший волка чихать да плакать от своей махорки, и, наконец, баран, предложивший влететь в волчью пасть самолично, чтоб тому и не затрудняться, когда съесть его захочет.

...Стал волк в ложбинке, открыл рот и ждет. Баран на горку взбежал, разогнался и трах рогами волка по голове — тот даже перекувырнулся. А когда опамятаился, то задумался: «Съел я его или нет?» Вопрос услышал мужик, что работу закончил и на тот час домой шел. Остановился и говорит: «Съесть-то не съел, да зато легкого хлеба отведал...»

— Легкого хлеба не бывает! — вот какой была мораль этой сказки, единственной, которую из детства своего вынес.

Мораль, что говорить, не из праздных.

Но они, Чердинцевы, постигали ее не из сказки — из жизни, учившей их уму-разуму чуть не от самого рождения...

Семнадцать их родила Клавдия Осиповна. Самым старшим из тех, кого он знал, был для Василия Макаровича тоже Василий, 1907 года рождения.

Как так получилось, что в одной семье да два Василия оказалось? Или других имен в памяти на тот момент не нашлось? Ой нет, видится мне в этом факте не простодань святому, «на которого» родились оба, с интервалом в два десятка лет. Василий-первый появился на свет хильным да больным, рос полупарализованным и, по общему мнению, жильцом на «этом свете» был не долгим. Вот и назвали дорогим, желанным для родителей именем другого сына — новорожденного крепыша. В отличие от первого, величали его Василием-вторым.

Макар смеялся: у нас, как в царской династии,— по номерам наследников считают.

Василий-первый умер в войну: смог он даже послужить Родине в тяжкую годину. Не на фронте, правда, но в строительном батальоне, где всяких специальностей и различной степени здоровья люди требовались. Сам на болезни не пожаловался, а комиссия на тот час не приди-ралась...

Мин был старше Василия-второго на целых семна-дцать лет. Еще в 1936-м проходил специальную школу комбайнеров в Бузулуке — так что образование по тем временам получил основательное и среди механизаторов своей округи мастером слыл из первых. В сорок третьем ушел на войну, в сорок четвертом вернулся — только с рукою израненной. Мучила она его беспрерывно, но терпел и работал. На комбайне работал — в другом хозяйстве, ближе к Оренбургу. Первый учитель-наставник в машинном деле умер несколько лет назад...

От Федора, погибшего в боях за Прибалтику, осталось, как память, письмо, посланное им с передовой. Предчувствуя схватку не на жизнь, а на смерть, обращался он к своему семейству, ко всем Чердинцевым, со словом не прощальным, но напутственным. Оно и сегодня как благословение на жизнь — и для младших братьев, для сестер, для их детей и внуков. Достает его из заветного «тайника» Василий Макарович, и читают раз, перечитывают другой — дорогое оно, слово родного человека, с войны не вернувшегося.

Плачет по мужу, вздыхает по братьям сестра Мария, уже семидесятилетняя. Иван Донсков, славный хлебороб, любящий муж и заботливый отец, погиб под Ленинградом. Детям его теперь много больше лет, чем было их отцу, павшему смертью храбрых фронтовику Отечественной...

«Ох, война, что ты, подлая, сделала!..» — в песне этой для Чердинцевых смысл свой, особый. Как и в любой за-

душевной песне о тех суровых испытаниях. Ну хотя бы «радости со слезами на глазах». От этих слез, наверное под конец своей долгой, без малого столетней, жизни и ослепла Клавдия Осиповна, мать большой семьи. Сколько их, Чердинцевых, тех что Стакиевичи, и других — Петровичей, Ивановичей, Константиновичей, от дела хлеборобского было оторвано! Сколько тех, кто в землю пошел, хотя по годам и силе своей должен был ее, землю обрабатывать!

«Ох, война, что ты, подлая, сделала!..» Так можно лмириться с тем, что затевают за океаном новую, теперь уже атомную, что самые страшные силы кличут на погибель рода людского? Посеявший ветер да пожнет бурю!

...Нет, и вовек не будет, для Василия Макаровича ничего роднее Хлебного Поля.

Вспоминает, и часто, рассказ Задремайлова Ивана Дмитриевича, Героя Социалистического Труда, первоцелинника земли оренбургской, а до этого и пахаря со стажем, и воина с заслугами. Десятки лет — с сорок третьего — помнит он горящие хлебные поля близ Сталинграда, до сих пор будто вдыхает в себя сладко-горький запах зерна в огне, колосьев, испепеляемых неумолимым пламенем, и оттуда, из огненного моря, словно доносится до него горестный голос молоденького солдата, наверное сельского паренька, который растерянно кричит: «Горит хлеб!» Это воспоминание Иван Дмитриевич пронес через всю послевоенную свою жизнь.

Сам слышал, как взволнованно говорил с трибуны Чердинцев:

— Да, колосья и в огне побывали, и походом на врача шли. Те самые, что в гербе,— пшеничные. Наши колосья, наш хлеб насущный — сила и слава державы.

— Главнее, прекраснее Хлеба для меня нет ничего. И для всех нас, на селе живущих. Будем же чаще думать о колосьях в Гербе и стараться быть их достойными!..

ПЕРВАЯ НАГРАДА

Со двора машинно-тракторной Григорий Дмитриевич, казалось, не отлучался ни на час. И рано поутру, и дремотной ночью видели его здесь, среди своих «кадров». Он величал их не иначе как орлами, но были то скорее пусты и орлиного племени, а все ж птенцы; орлы случались, да все больше покалеченные — без пощады и разбору прошлась по ним война. Забирала она самых крепких, ловких, умелых, перекладывая тяжесть труда на нескрепшие плечи юнцов.

Работали, худого не скажешь, старательно. И есть хотелось, и сон морил — держались.

— Фронтовикам нашим, под огнем, потяжельше приходится, — говоривал Дедов, когда видел: выбивается парнишка из сил. Не в укор говорил, не в посрамление — констатировал истину. Так ведь оно и было!..

— Ну, покимарь часок, полегче станет, — советовал директор тому, кто засыпал на ходу. — Прикорни, сынок, разбужу. Сенцо мягкое, телогрейку поверх — чем не постель?

Сам он вроде и не спал. Каждый знал: Митрич всегда рядом, от глаз его ничему не укрыться.

Беда была с запасными частями. Детали изнашивались, новые присыпали редко. Выход оставался один — делать самим. Чем больше, тем лучше. Чем лучше по качеству, тем полезнее для дела.

Васе Чердинцеву, научившемуся неплохо токарничать, Григорий Дмитриевич поручил однажды нарезать дефицитные гайки.

— Норму даю большую — четыреста гаек, — сказал он. — Не управишься — судить строго не стану. В крайности, завтра дорежешь. Только постарайся, чтоб были как следует.

Начал Василий пораньше — все-таки длиннее день будет, времени в запасе больше. Приладился, приоровил-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул.
Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66